

Научная статья / Research Article

УДК 316.624(470+571)

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164

Дарья Николаевна Нестеренко

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

d.n.matveeva@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАРГИНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА ПРОСТИТУЦИИ В XIX ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена изучению различных моделей отношений между феноменом проституции и обществом в XIX веке на примере локального опыта Енисейской губернии. Специфический социально-экономический институт легализованного коммерческого секса со своей спецификой и внутрисистемными связями – это уникальное явление дореволюционной России. Оставаясь жизнеспособным элементом общественной жизни, частью губернской повседневности, «промысел разврата» не был однозначным явлением. В данном контексте является актуальным рассмотрение взаимовосприятия общества и феномена проституции в период регламентации для формирования представлений о многогранности и повседневности губернии. Статья представляет собой попытку осмысления моделей и суждений общественных институтов по отношению к проституции, а также поведенческих шаблонов женщин, вовлеченных в сферу интимных услуг с точки зрения феноменологии. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные документы различных ведомств, публицистические произведения медицинской направленности, а также периодическая печать. Результатом исследования является выявление нескольких моделей взаимовосприятия обществом проституции, которые свидетельствуют о полярных мнениях касательно этого феномена. Говоря об отношении женщин, вовлеченных в сексуальную коммерцию, к обществу и его нормам, стоит отметить проблему отсутствия источников личного происхождения. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что проституция вырабатывала определенные шаблоны поведения, характерные для участников системы.

Ключевые слова: проституция, коммерческий секс, Енисейская губерния, Сибирь, XIX век

Для цитирования: Нестеренко Д.Н. Особенности взаимоотношений маргинальных элементов и общества на примере феномена проституции в XIX веке (по материалам Енисейской губернии) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 155–164. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164.

Daria Nikolaevna Nesterenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

d.n.matveeva@mail.ru

© Нестеренко Д.Н., 2024

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 155–164.

Socio-economic and humanitarian journal. 2024;(1): 155–164.

**RELATIONSHIPS FEATURES OF THE MARGINAL ELEMENTS AND SOCIETY
BY THE EXAMPLE OF THE PROSTITUTION PHENOMENON IN THE 19TH
CENTURY (BASED ON MATERIALS OF THE YENISEI PROVINCE)**

The paper is devoted to the study of various models of relations between the phenomenon of prostitution and society in the 19th century using the example of the local experience of the Yenisei Province. The specific socio-economic institution of legalized commercial sex with its specificity and intra-system connections is a unique phenomenon of pre-revolutionary Russia. While remaining a viable element of public life, part of provincial everyday life, the “industry of debauchery” was not an unambiguous phenomenon. In this context, it is relevant to consider the mutual perception of society and the phenomenon of prostitution during the period of regulation to form ideas about the versatility of everyday life in the province. The article is an attempt to understand the models and judgments of public institutions in relation to prostitution, as well as the behavioral patterns of women involved in the sphere of intimate services from a phenomenological point of view. The source base for the study consisted of office documents from various departments, journalistic works of a medical nature, as well as periodicals. The result of the study is the identification of several models of mutual perception of prostitution by society, which indicate polar opinions regarding this phenomenon. Speaking about the attitude of women involved in sexual commerce to society and its norms, it is worth noting the problem of the lack of sources of personal origin. However, it can be concluded that prostitution developed certain patterns of behavior characteristic of participants in the system.

Keywords: prostitution, commercial sex, Yenisei Province, Siberia, 19th century

For citation: Nesterenko D.N. Relationships features of the marginal elements and society by the example of the prostitution phenomenon in the 19th century (based on materials of the Yenisei Province) // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 155–164. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164.

Введение. Специфика существования маргинальных элементов – это самостоятельный объект историко-культурного и антропологического изучения. Девиантные явления представляют собой социально-экономические феномены, в подавляющем большинстве имеющие общий генезис (пьянство, проституция, наркомания). Различные формы отклонений в обществе могут быть взаимосвязаны между собой. Изучение проявлений девиации помогает исследователю воссоздать наиболее полную картину повседневности того или иного периода. Актуальность темы исследования

обуславливается наличием современных дискуссий, связанных с вопросом о легализации проституции. Это социальное явление представляет собой противоречивый механизм, который невозможно рассматривать без исторического контекста. Споры о возможностях регламентации и изучение исторического опыта взаимодействия государства с проституцией привели к расширению вопросов и решению проблем в исследованиях, появлению новых методик изучения.

Цель исследования. Выявление моделей взаимовосприятия женщин, промышленности развратом, и общества

на примере локального опыта Енисейской губернии.

Материалы и методы исследования. На современном этапе сибирскими историками был накоплен богатый опыт исследования социальных категорий [25, с. 55–61]. Применяются междисциплинарные подходы в рассмотрении проблемных вопросов на примере уникального локального опыта [30, с. 2572–2579; 20, 21]. Появились работы, посвященные истории повседневности, в том числе касающиеся общественных аномалий [24]. Однако коммерческому сексу, как части социального механизма, уделено недостаточно внимания. Источниковую базу исследования составляет комплекс архивных материалов, впервые введенных в научный оборот. Законодательные акты, документы делопроизводственного процесса, публицистические произведения медицинского характера, периодическая печать позволяют проанализировать феномен проституции в рамках истории повседневности с момента ее регламентации в 1843 г. до 1917 года.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1843 г. по инициативе графа Л.А. Перовского проституция пошла по пути ее институционализации. Были созданы врачебно-полицейские комитеты, которые имели целью освидетельствование и регистрацию «публичных женщин» [19, л. 3]. Феномен проституции XIX – начала XX века заключался в том, что существуя в рамках правового поля, женщины, промышляющие развратом, при этом не являлись частью общественно одобряемых элементов. Несмотря на властные суждения, которые носили нормализующий характер, отношение к принадлежности женщины к данному ремеслу в обществе было неоднозначным. Внешне система легализованной проституции представляла собой

совокупность лиц – это сутенеры, проститутки (тайные, явные), потребители услуг, публичные дома, врачебно-полицейский надзор, пункты осмотра и так далее. Стоит отметить, что государство, пойдя по пути институционализации этого феномена, не поощряло вхождение женщин в «ремесло разврата» [15, л. 4]. Исходя из анализа архивных документов, можно представить несколько моделей взаимовосприятия обществом проституции.

Модель нормализующих суждений власти. Для данной модели характерно признание легализованной проституции как социального института. Зарегистрированная или поднадзорная проституция в этом случае – это профессия, вид ремесла. Борьба в государстве велась не с ней, а с венерическими заболеваниями. Реформа графа Л.А. Перовского не ввела новую модель отношения власти к коммерческому сексу. Толерантность к проституткам наблюдалась в делопроизводственных документах и до этого периода. Институционализация проституции лишь закрепила тезис о терпимом отношении государства к данному социальному явлению. В «Положении об организации надзора за городской проституцией в Империи» за 1903 г. отмечалось: «Женщины, занимающиеся тайным развратом, привлекаются к надзору секретно, через смотрителей или чинов общей полиции» [12, л. 7].

Поднадзорная проституция представляла собой строгую иерархичную систему с совокупностью связей: это дома терпимости с их содержательницами; «одиночки», занимающиеся сексуальной коммерцией в квартирах и т.д. (табл. 1). Незарегистрированные женщины выходили за рамки нормализующих суждений власти, значит, считались преступным элементом.

Таблица 1

Распределение женщин, предоставляющих услуги сексуальной коммерции в Енисейской губернии за 1882 г. [16, л. 2–4]

Показатель	г. Красноярск	Красноярский округ	Енисейский округ	Канский округ	Ачинский округ	Минусинский округ	Всего
Количество одиночек «на квартирах»	8	25	121	65	7	2	228
Задержано по подозрению в «тайном разврате»	2	–	12	6	–	–	34
Произведено врачебно-полицейских осмотров (мужчин+женщин)	26+15	–	43+14	4	7+8	–	80+37

Заниматься «ремеслом разврата» имела право женщина, достигшая совершеннолетия [10, л. 3]. Исходя из архивных данных, в подавляющем большинстве, проститутки в Енисейской губернии были незамужними [6, л. 28]. В юридической практике дореволюционной России был предусмотрен порядок вступления в занятие проституцией замужних женщин, в таком случае последние приносили в Полицейское управление письменное согласие мужа [4, л. 5].

Для властных суждений характерно принятие именно поднадзорной проституции, а не тайной. Она являлась одним из основных источников распространения венерических заболеваний [24, с. 86]. Об этом свидетельствуют многие городские врачи губернии в своих отчетах [11, л. 38].

Государство пыталось контролировать легализованную проституцию с точки зрения морально-нравственных норм. Например, официальные власти в 1844 г. издали Правила, по которым полицеймейстеры обязаны были закрывать публичные дома по воскресеньям и в праздничные дни до обедни, также эти Правила были дополнены в 1908 г. тем, что дома

терпимости следует закрывать также во время Страстной недели [28, с. 251].

С точки зрения охраны здоровья проституируемых элементов государством также были разработаны меры предосторожности, которые, с одной стороны, могли выходить за рамки понимания частной жизни, с другой стороны, воспринимались как один из маркеров нормализации сексуальной коммерции. Например, согласно «Правилам для проституток, содержательниц домов терпимости и поднадзорных притонов разврата», был прописан пункт об обязанности «во время месячных очищений» воздержаться от занятий «промыслом разврата» [12, л. 7].

Таким образом, в делопроизводственных документах полицейских и врачебных ведомств чаще встречалось понятие «публичная женщина», которое указывает не на морально-нравственную составляющую профессии, а на сексуальную коммерцию как сферу услуг. Для властных суждений характерно принятие именно поднадзорной проституции, а не тайной.

Модель восприятия проституции как аномального явления. Этот вид восприятия был характерен для

либеральной общественности, а также для представителей духовенства [1, с. 23]. Для данной концепции типично видение проституции как отклонения от нормы, криминализованного элемента. В Енисейской губернии этот взгляд был особенно характерен для больших городов, например, Красноярска.

Для жителей городов Енисейской губернии было характерно осуждение как поднадзорной, так и тайной проституции [9, л. 4]. С позиции городского обывателя «публичная женщина» выходила за пределы допустимых повседневных норм [9, л. 4]. «Нравственный позор», «безобразие», «материальное зло» – именно такие термины часто встречались в делопроизводственных документах, где жители коллективно обращаются к местным органам власти с просьбой убрать дома терпимости с быстро растущих центральных улиц города Красноярска [8, л. 3]. Как правило, проституция сопровождалась наличием пивных заведений, которые также нарушали общественный покой горожан, что находило отражение в периодических изданиях: «Шум, крики, ругань солдат, проститутки, пьянство – вот картина, которую можно каждый раз видеть в пивной» (Плацпарадная площадь, ул. Садовая, г. Красноярск. – Д.Н.) [27, с. 3].

А. Уманьский в своем «Очерке золотопромышленности в Енисейской тайге», описывая проституцию в Енисейске, предоставляет происходившему на улицах города следующую оценку: «грязная сторона Енисейска» [33, с. 27]. Стоит сказать, что Енисейск отличался свободой нравов, а также разнородностью социальных элементов.

Восприятие легализованной проституции, как аномальной внесистемной структуры, показывало несовершенство существовавших государственных практик в области регулирования данного вопроса. Например, было распространено суждение о том, что врачебно-

полицейский надзор на самом деле прикрепляет женщину к «позорному промыслу», следовательно, лишает ее гражданской правоспособности [23, с. 27].

Важным для общества коррелятом жизнеспособности системы легализации являлась нравственность самих сотрудников, осуществлявших надзор. Нередко полицейские чины могли дискредитировать самих себя. В 1894 г. красноярский полицмейстер, будучи семейным человеком, собрал в торговую баню «публичных женщин». Пригласив туда молодых людей, «устроил непозволительную оргию, и чтобы не быть узнанным, надел себе бороду» [5, л. 1]. Когда же содержатель бани пригласил собравшуюся компанию вести себя скромнее, то Петров, сняв бороду, сказал ему, что он полицмейстер, и никто не смеет делать ему замечания. Подобные случаи получали широкую общественную огласку и работали против системы регламентации в целом.

Представители духовенства отрицательно относились к «блуду» в целом, так как это выходило за рамки христианской добродетели. Архимандрит Петр, настоятель Спасо-Преображенского монастыря, отмечал существенную роль интеллигенции в распространении «губительных» общественных болезней, среди которых «необузданное веселье» и разврат [21; 32, с. 753–756].

Отрицательное отношение духовенства к разврату в целом коррелировало с помощью «оступившимся», но при этом осуждающий тон сохранялся. Например, священник Симбирского епархиального женского училища Неофит Любимов говорил о необходимости остановить от «нравственного падения» нуждающегося [31, с. 354–369].

Стоит сказать, что за данной моделью восприятия стоит система сложившихся пределов допустимого в обществе, а не политика государства. Осуждающий

тон повествующих в этом случае адресован и к самой существующей системе, и к проститутке в частности.

Модель «милости к падшим». «Милость к падшим» – это термин, обозначающий определенный вид христианской добродетели к тем, кто «оступился». Однако «милость к падшим» включала в себя и указание того, что публичные женщины – это категория маргинальных элементов, выпадающих из общепринятой системы социальных институтов. Данный термин бытовал на страницах периодической печати, но не был присущ городским обывателям, которые непосредственно сталкивались с проституцией в общественной среде. Тема аномальной сексуальности остро воспринималась большинством российского общества. По причине того, что большинство русских было православными, сама природа секса, не ведущего к зачатию, являлась для них греховной, значит, противоречила доброму идеалу христианства [13, л. 4].

Данная модель восприятия в той или иной степени оправдывала простигуемых женщин, пытаясь объяснить причины, побудившие женщин заниматься развратом. В таких обстоятельствах проститутки становились не «порочными» женщинами, а жертвами обстоятельств. Торговля телом выводится из зоны заведомо осуждаемого, значит, включается в ранг трудовых отношений, которым были присущи проблемы разного порядка и степени сложности. Интересным являлось отношение российского литературного критика Н.А. Добролюбова к публичным женщинам: «И всего ужаснее в этом то, что женский инстинкт понимает свое положение и чувство грусти, даже негодования, нередко пробуждается в них. Сколько ни встречал я до сих пор этих несчастных девушек,

всегда старался я вызвать их на это чувство, и всегда мне удавалось. Искренние отношения устанавливались с первой минуты, и бедная, презренная обществом девушка говорила мне такие вещи, которых напрасно стал бы добиваться я от женщин образованных» [22, с. 310]. Стоит также отметить тот факт, что с середины XIX века в публицистических изданиях наблюдалась риторика спасения падших женщин.

Если говорить об отношении проституток к общественным нормам, то здесь стоит отметить, что существует проблема наличия документов личного происхождения, так как редко до настоящего времени доходят документы, служащие голосом маргинальных элементов. Публичные женщины могли быть разного возраста, сословной принадлежности, уровня образованности и причин попадания в категорию «промышляющих развратом». Тем не менее, исходя из делопроизводственных документов, можно выделить две основные модели: модель конфликта с законом и нормами; модель профессии как образа жизни.

Модель конфликта с законом и нормами. Образ жизни «публичных женщин» был нестабилен, полон вредных привычек и постоянных рисков здоровью. Пагубные привычки, алкоголь, венерические болезни – риски и составляющие повседневности, как поднадзорных, так и тайных проституток [17, л. 14]. Оказание услуг сексуальной коммерции способствовало разложению личности.

Многие женщины, предоставлявшие услуги сексуальной коммерции, подверглись дефлорации в раннем возрасте (табл. 2). Можно предположить, что такие условия и среда подтолкнули их к занятию проституцией и девиантным проявлениям в обществе.

Таблица 2

Распределение женщин, занимавшихся сексуальной коммерцией в период дефлорации в Енисейской губернии за 1889 г. [29, с. 15]

Показатель	Из домов терпимости		Одиночки	
	Добровольно	Насильно	Добровольно	Насильно
До начала менструации	7	4	5	-
После начала менструации	17	8	10	2

Стоит отметить, что проститутки вели себя вызывающе по отношению к горожанам. Особенно это было характерно для незарегистрированных публичных женщин. В «Красноярском вестнике» описывается повседневная для вечерних улиц губернской столицы ситуация: «На бульваре вечером девицы легкого поведения назойливо предлагают свои услуги. Отказавшегося девицы провожают не особенно лестными эпитетами» [26, с. 3].

Одной из характерных особенностей Енисейской губернии было большое количество ссыльнопоселенцев. Многие поселенцы из различных деревень были «худого» поведения [14, л. 2], их боялись односельчане ввиду того, что они могли совершать преступления [14, л. 2]. Они составляли не только определенную социальную категорию, которая могла совершать тяжкие преступления, но и среду, которая способствовала моральному разложению личности [2, л. 33]. Ссыльнопоселенцы ввиду своей лени, праздности существования из-за невозможности устройства в обществе зачастую становились проститутками, которые злоупотребляли алкоголем: «Страсть в этих людях к лени и пьянству до того вкоренилась, что они готовы пожертвовать даже жизнью, лишь бы погулять немного» – из донесений Зелелевского волостного управления [3, л. 12].

Модель профессии как образа жизни. Многие публичные женщины ответственно подходили к вопросам, связанным с телесностью и собственным здоровьем. Это было особенно важно в период регламентированной проституции и вспышек венерических заболеваний. Согласно «Правилам для проститу-

ток, содержательниц домов терпимости и поднадзорных притонов разврата», каждая публичная женщина обязана следить за своим здоровьем, соблюдать все меры предосторожности [12, л. 13].

Проститутки заражались от мужчин и даже приводили таких «клиентов» на осмотр, писали жалобы. Например, после полового сношения некая проститутка Калашникова заметила на половом члене клиента Кужелева язвы. Стоит отметить, что клиент знал о болезни, так как был ранее осмотрен в железнодорожной больнице, поэтому ее жалоба далее рассматривалась в Полицейском управлении [7, л. 24]. Женщины, которые предоставляли услуги коммерческого секса, могли рассчитывать на удачный брак с клиентами. Это, как правило, «проститутки высшего разряда», которых богатые жители крупных губернских городов брали в сожительство [33, с. 27]. Такие бытовые условия нередко приводили к браку.

Особенностью проституции в Енисейской губернии среди сельской местности являлось отходничество. Женщины, предоставляющие услуги сексуального характера, в деревнях часто уходили со своего места жительства [18, л. 19]. Как правило, это происходило во время отсутствия сезонных полевых работ. Такое положение создавало уникальную ситуацию и для губернии, и для такой категории проститутки, поскольку эти женщины меняли свой социальный статус в другом населенном пункте на определенное количество времени. При этом возвращение в деревню или село влекло за собой возобновление привычной жизни.

ни с повседневностью, в которой нет место сексуальной коммерции.

Проституция – это иерархичный социально-экономический институт, феномен, существующий вне семьи, вне морально-ценностных ориентиров патриархального общества, который вырабатывает свою систему определенных поведенческих черт, шаблонов поведения, таких как лояльность и повиновение. Он осуществляет конкретную роль в жизни общества.

Заключение. Таким образом, можно сказать, что контексты взаимовосприятия обществом проституции не носят нейтральный характер: здесь стал-

киваются и государственные суждения, и нравственные ориентиры. Функционально устойчивая система проституции породила новые рассуждения о характере взаимоотношений общественных институтов и этой маргинальной категории. В быстро урбанизирующем и растущем социуме XIX в. взгляды на данный феномен могли быть полярными: от видения в проститутках жертв обстоятельств до осуждений и тезисов о «социальной болезни». Это говорит о недостатках юридического конструирования системы легализации, с одной стороны, и о жизнеспособности сферы предоставления сексуальных услуг – с другой.

Список источников

1. *Вдовин А.В.* Дамы без камелий. Письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 238 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 687. Л. 33.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 82. Л. 12.
4. ГАКК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4807. Л. 1.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5723. Л. 28.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 4. Д. 75. Л. 24.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1623. Л. 3.
9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5606. Л. 4.
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 6182. Л. 3.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 22. Д. 57. Л. 38.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 23. Д. 107. Л. 13.
13. ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2647. Л. 4.
14. ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1348. Л. 2.
15. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.
16. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–4.
17. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.
18. ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 139. Л. 19.
19. ГАКК. Ф. 1297. Оп. 142. Д. 43. Л. 3.
20. *Гергилев Д.Н.* Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 172 с.
21. *Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л.* Православная церковь и население Енисейской Сибири 1700–1917 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2018. 314 с.
22. *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 8. 350 с.
23. *Елистратов А.И.* О прикреплении женщины к проституции (Врачебно-полицейский надзор). Казань, 1903. 400 с.
24. *Кискидосова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: Бригантина, 2012. 351 с.
25. *Ковалев А.С.* Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 55–61.
26. Красноярский вестник. 1909. № 2. С. 3.

27. Красноярский вестник. 1909. № 3. С. 3.
28. *Мартыненко Н.К.* Российское государство и общество в борьбе с проституцией: 1843–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2012. 582 с.
29. Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. Издание центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. 39 с.
30. *Северьянов М.Д.* Повседневная жизнь студентов Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 58. С. 2572–2579.
31. Симбирские епархиальные ведомости. 1898. № 13. С. 354–369.
32. Тульские епархиальные ведомости. 1910. № 42. С. 753–756.
33. *Уманьский. А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888. 170 с.

References

1. *Vdovin A.V.* Damy bez kamelij. Pis'ma publichnykh zhenshchin N.A. Dobrolyubovu i N. G. Chernyshevskomu. M.: Izd. dom VSHEH, 2022. 238 s.
2. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti (GAIO). F. 24. Op. 9. D. 687. L. 33.
3. Gosudarstvennyj arkhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK). F. 10. Op. 1. D. 82. L. 12.
4. GAKK. F. 112. Op. 1. D. 17. L. 5.
5. GAKK. F. 595. Op. 1. D. 4807. L. 1.
6. GAKK. F. 595. Op. 1. D. 5723. L. 28
7. GAKK. F. 595. Op. 4. D. 75. L. 24.
8. GAKK. F. 595. Op. 8. D. 1623. L. 3.
9. GAKK. F. 595. Op. 8. D. 5606. L. 4
10. GAKK. F. 595. Op. 8. D. 6182. L. 3.
11. GAKK. F. 595. Op. 22. D. 57. L. 38.
12. GAKK. F. 595. Op. 23. D. 107. L. 13.
13. GAKK. F. 608. Op. 1. D. 2647. L. 4.
14. GAKK. F. 609. Op. 1. D. 1348. L. 2.
15. GAKK F. 803 Op.1 D. 36. L. 4.
16. GAKK. F. 803. Op. 1. D. 17. L. 2–4
17. GAKK. F. 803. Op. 1. D. 84. L. 14.
18. GAKK F. 803. Op. 1. D. 139. L. 19.
19. GAKK. F. 1297. Op. 142. D. 43. L. 3.
20. *Gergilev D.N.* Administrativnoe upravlenie Sibir'yu v XVIII – pervoj treti XIX veka. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 2016. 172 s.
21. *Dvoreckaya A.P., Terskova A.A., Khait N L.* Pravoslavnaya cerkov' i naselenie Enisejskoj Sibiri 1700–1917 gg. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU, 2018. 314 s.
22. *Dobrolyubov N.A.* Sobranie sochinenij. SPb.: Prosveshchenie, 1911. T. 8. 350 s.
23. *Elistratov A.I.* O prikreplenii zhenshchiny k prostitucii (Vra-chebno-policejskij nadzor). Kazan', 1903. 400 s.
24. *Kiskidosova T.A.* Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Enisejskoj guber-nii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. Abakan: Brigantina, 2012. 351 s.
25. *Kovalev A.S.* Povsednevnyaya zhizn' netrudosposobnykh grazhdan v usloviyakh invalidnogo doma v 20-kh gg. XX v. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 55–61.
26. Krasnoyarskij vestnik. 1909. № 2. S. 3.
27. Krasnoyarskij vestnik. 1909. № 3. S. 3.
28. *Martynenko N.K.* Rossijskoe gosudarstvo i obshchestvo v bor'be s prostituciej: 1843–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Voronezh, 2012. 582 s.

29. Prostituciya v Rossijskoj Imperii po obsledovaniyu 1 avgusta 1889 g. Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta MVD. SPb., 1890. 39 s.
30. *Sever'yanov M.D.* Povsednevnyaya zhizn' studentov Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. v kontekste vzaimootnoshenij s professorsko-prepodavatel'skim sostavom // *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal.* 2020. № 58. S. 2572–2579.
31. Simbirskie eparkhial'nye vedomosti. 1898. № 13. S. 354–369.
32. Tul'skie eparkhial'nye vedomosti. 1910. № 42. S. 753–756.
33. *Uman'skij. A.* Oчерки zolotopromyshlennosti v Enisejskoj tajge. SPb., 1888. 170 s.

Статья принята к публикации 10.01.2024/
The article has been accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе:

Дарья Николаевна Нестеренко, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций

Information about the authors:

Daria Nikolaevna Nesterenko, Assistant at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations

